

Ван Сянчжэнь, проследив за его взглядом, потрогал уголок рта и поморщился от боли:

— У меня сроду слабость: терпеть не могу, когда красавица печалится. Подумаешь, пара царапин ногтями — ну царапнула и царапнула. Поднять на неё руку жалко, прогнать — душа не лежит. Что мне ещё остаётся, кроме как терпеть?

Хотя Цуй Се и считал содержание тайной наложницы неподобающим делом, смирение собеседника вызвало у него невольное уважение. Поклонившись, он произнёс:

— Брат Ван обладает поистине великим терпением. Вот только ваша супруга теперь знает, что происходит в этом дворике, так что спокойных дней здесь больше не предвидится. А мне всё же нужно снова открыть книжную лавку. Позвольте попросить брата Вана подумать, как поступить с той... девицей.

Ван Сянчжэнь хриплым голосом — то ли от полученных побоев, то ли от криков во время перепалки — ответил:

— Эх, потом разберёмся. Что делать с сестрицей Юэ, я пока и сам не знаю, тут надо всё хорошенько обдумать. Но, брат Цуй, у меня к тебе есть одна просьба...

Цуй Се поднял на него взгляд, молча выражая вопрос.

Ван Сянчжэнь на мгновение опешил под этим взглядом и даже забыл сделать вдох. Смущённо опустив голову, он сухо хохотнул:

— Пожалуйста, брат Цуй, пока у меня лицо не заживёт, не приходи в эту лавку. Сестрица Юэ — ветреная особа, а ты молодой человек столь яркой и благородной наружности. Если ты будешь мелькать перед глазами, боюсь, двери внутренних покоев окажутся недостаточно крепкими, чтобы удержать её на месте.

Цуй Се кивнул и спокойно согласился:

— Раз здесь проживает домочадица брата Вана, мне, разумеется, следует избегать пересудов. За книжной лавкой обычно присматривает управляющий, так что без особых причин я сюда приходить не стану.

Губы Вана Сянчжэня дёрнулись, боль от раны на губе исказила его лицо. Прижав ладонь к щеке, он усмехнулся:

— Я не оставлю брата Цуй в обиде. Позже я сведу тебя в заведение матушки Цзян, что у Трёх Покоев, у неё там...

Он вскинул голову, но, встретившись с чистым лицом и ясным взглядом Цуй Се, осёкся и проглотил оставшиеся слова. Слегка откашлявшись, он пробормотал:

— Позже я подарю тебе лошадку. Доблестному мужу полагается верный конь, тебе верхом да со шпагой будет очень к лицу... очень к лицу.

Лошадь стоит как минимум десять лянов серебра, а за хорошего коня не жалко и сотни лянов — такой подарок просто так принимать нельзя. Цуй Се поспешил отказаться, но Ван Сянчжэнь лишь отмахнулся:

— Полно, я сам всё решил! Вот подлечу лицо — тогда и увидимся!

Его законная супруга, оконфузившись из-за того, что весь этот скандал увидели посторонние, со стыда ушла домой раньше времени. Тайная наложница тоже смирно укрылась в своей комнате, приказав запереть ворота во двор. Цуй Се не собирался вникать в их семейные дразги. Он выпил по чарке с посредниками и, забрав настоящие счётные книги лавки, отправился домой.

Чернорабочий вернулся ещё раньше них, и матушка Чжан уже устроила его в заднем флигеле. Цуй Се зашёл проведать его и увидел, что в комнате стояла старая кровать отца и сына Цуй Юаня, а в качестве верстака приспособили старый письменный стол и стул сюця Вана. Вёдра, тазики, полотенца — всё было на месте, жить вполне можно.

В углу комнаты возвышался ящик с обработанными деревянными досками, а на столе в беспорядке лежали бумага, тушь, клей и квасцы. Ли Цзиньбао неловко проямлил:

— Это материалы, что были в лавке. Я подумал, раз молодой господин скоро собирается печатать книги, то лучше забрать их сразу. Вы не стали допытываться о наших левых заказах на стороне, и я безмерно вам благодарен. Вот и решил заранее подготовить доски и сырьё, чтобы, когда вернутся мастера, можно было сразу приступить к работе.

На самом деле с печатью спешить было некуда: он ещё даже не решил, что именно будет печатать. К тому же Цуй Се не рисковал сразу действовать слишком радикально, поэтому лишь спросил:

— А в нашей лавке когда-нибудь печатали цветные книги?

Ли Цзиньбао опешил и переспросил:

— Молодой господин имеет в виду печать на абрикосово-жёлтой или фарфорово-синей бумаге? На такой бумаге и иероглифы-то толком не разглядеть, да и стоит она по два-три лян серебра за стопку! Нам такое не по карману! Совсем не по карману!

Цуй Се на мгновение задумался и произнёс:

— Я имею в виду другое: печатать текст и рисунки разными красками...

В его памяти эротические картинки вроде бы всегда были цветными, но в учебнике по химии говорилось, что первые технологии многоцветной ксилографии и рельефного тиснения появились только в конце эпохи Мин, в альбомах орнаментированной бумаги «Лосюань бяньгу цзяньпу» и «Шичжучжай цзяньпу». Он не знал, насколько развита цветная печать в годы Чэнхуа, и не покажется ли слишком ошеломительным столь резкое появление революционной технологии?

Видя, что юноша погрузился в мысли, Ли Цзиньбао не удержался и окликнул его:

— Молодой господин? Я никогда не слышал, чтобы иероглифы в книгах печатали разными цветами. Разве это будет выглядеть так же приятно для глаз, как обычные чёрные тушевые знаки?

Цуй Се качнул головой и, закусив губу, спросил:

— Неважно, что именно печатать. А можно ли, как на бумаге Се-гуна, окрасить саму бумагу в фоновый цвет, а поверх нанести изображения другими красками?

Ли Цзиньбао ахнул:

— Так вы хотите красить писчую бумагу? Для стихов и сочинений, как принято у образованных господ? Если просто окрасить в сосново-зелёный или акациево-жёлтый цвет, то это дело нехитрое. Да и узорчатую рамку вырезать много сил не отнимет, мастера за ночь справятся. Вот только наносить пудру и воск придётся повозиться подольше.

Раз у них есть базовая техника, освоить новое будет вдвое проще. Цуй Се с радостным удивлением спросил:

— То есть всё, что есть на рынке, вы умеете делать?

Ли Цзиньбао всплеснул руками:

— Не дерзну утверждать, что всё. На юге делают бумагу с золотым и серебряным тиснением — такого мы не пробовали. Но простую окрашенную или вощёную бумагу с пудрой делать умеем.

Цуй Се на некоторое время задумался, опустил глаза, затем слегка кивнул:

— Завтра скажи своему управляющему, пусть купит все необходимые краски и инструменты для окрашивания бумаги. Если не хватит денег, попросите у Цуй Юаня. Сделайте образцы всех цветов и узоров, какие сможете, и покажите мне. И ещё узнай, кто из рабочих планирует сюда переехать, чтобы я зашёл к соседу, плотнику Юй, и заказал мебель. Правда, отделка будет скромной.

Ли Цзиньбао от радости закивал без остановки:

— Спасибо, молодой господин! Нам бы хоть какую крышу над головой, разве мы смеем привередничать? Не тая скажу, после прошлогоднего наводнения ваш покорный слуга и милостыню просил, и в шалашах ночевал! Если бы управляющий не приютил нас в том дворике...

Он резко умолк и, опустив голову, украдкой взглянул на Цуй Се.

Цуй Се слегка тронул губы улыбкой, встряхнул рукавами и повернулся:

— Уж поздно, отдыхай. Я пойду.

Сегодня он грозился мечом до смерти забить человека, заставил управляющего Цзи с сыном сдать счётные книги, да ещё и созвал рабочих, чтобы те подписали кабальные договоры... Раз уж он с размахом исполнил роль главного злодея, стоит ли удивляться, что мастер Ли его боится? Лучше уж уйти самому, пока у человека от страха разрыв сердца не случился.

Цуй Се казалось, что у него неспорный дел, но, проснувшись утром, он всё же заставил себя сесть за стол и полдня переписывал «Сы шу чжанцзюй» привычным стилем Янь.

Раньше, когда он переписывал императорский указ, Пэн Янь лишь заметил, что его почерк стал красивее прежнего, и не заподозрил ничего странного. Поэтому Цуй Се перестал стремиться имитировать прежний почерк оригинального владельца тела, а совмещал каллиграфию с заучиванием текста: пока переписывал, тренировал руку и заучивал наизусть содержание.

Книга из его памяти содержала смесь оригинала, постатейного толкования и сводных

комментариев, из-за чего читалась прерывисто. Поэтому при переписывании он разделял их: оригинал выписывал отдельно, комментарии — отдельно. Когда писал оригинал, мысленно вспоминал комментарии; когда писал комментарии — вспоминал оригинал. Так, сравнивая два текста, он запоминал их ещё крепче.

Дойдя до «Лунь юй» и «Мэн-цзы», он даже нарисовал древовидную схему: заголовки глав выступали в роли главных ветвей, а от них отходили детализированные оригиналы и комментарии. На бумаге оставались лишь краткие заметки-подсказки, а весь остальной текст он дополнял в уме.

Впрочем, подобные схемы не следовало показывать посторонним, поэтому, закончив рисунок, он тут же сминал его в комок, размачивал в пиале с чаем до размягчения и выливал вместе с чайной гущей в цветник под окном.

Приказчик Цзи, желая выслужиться перед хозяином, убирал двор и заметил этот мокрый комок бумаги. Он тут же несколько раз призвал Владыку Вэньчана и попросил Цуй Юаня принести жаровню с углями для сжигания священной бумаги. Цуй Юань не только принёс жаровню вместе со щипцами для углей, но и с самого порога принялся ворчать и причитаться:

— Разве можно бумагу с письменами бросать в землю? Раз на ней есть буквы, значит, коснулась её благодать просвещения! К ней надо относиться с почтением. Если не нужна — сожги как следует, зачем же так святотатствовать...

Завидев жаровню, Цуй Се повеселел и, улыбнувшись ему, сказал:

— Дядюшка Юань, как вы предусмотрительны! А я вот сам не додумался попросить жаровню.

Цуй Юань вздохнул:

— Молодой господин, верно, думает, что старик слишком болтлив? Это всё приказчик Цзи увидел, как ты выкинул размокшую бумагу с текстом, и попросил принести жаровню. Раньше я не замечал за тобой такого, вот и сам не подумал. Ты уж впредь помни: береги бумагу с письменами, а не то Владыка Вэньчан прогневается!

<http://bllate.org/book/18372/1761261>